

Юлиана Тихонова

*Байки
зеленого
трепанга*

RUGRAM

Москва, 2026

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос-Рус)
Т46

Тихонова, Ю.

Т46 Байки зелёного трепанга/ Ю. Тихонова. — М. : RUGRAM, 2026. — 144 с.

ISBN 978-5-517-14009-8

Зеленый трепанг — шептун, морская сущность, раскрывающая древние тайны Владивостока и его обитателей. В этом сборнике — восемь историй. Мистические или реалистичные, каждая из них пронизана странной, тревожной и философской красотой. Нашептанные рассказы заставляют почувствовать одновременно страх и очарование этого города. Если перефразировать слова из песен группы «Мумий Тролль», «вы были ответственны за романтику, но в подворотне вас ждет маньяк».

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-14009-8

© Тихонова Юлиана, 2026
© steve1698, иллюстрация, 2026
© RUGRAM, 2026

Запах смерти

Черное небо раннего январского утра не светило звездами. Только стальной кусок убывающей луны освещал замерзшую дорогу через полупогасшие фонари. Шелестели шаги в заваленном снегом лесу — это несколько школьников торопились на автобусную остановку, боясь опоздать на первый урок. Все шли молча, семеня, чтобы не упасть. Сон так и норовил отправить каждого обратно в кровать, пока нос и глаза пощипывал крещенский мороз. Но домой было нельзя — сегодня грозилась состояться ежегодная торжественная линейка в честь начала третьей четверти. Мероприятие, непосещение которого было стопроцентной гарантией вызова родителей к директору и установления прочных, но, увы, конфликтных отношений с руководством школы до конца учебного года. А также день был важен тем, что сегодня должно было пройти распределение по случаю запоздалого Дня самоуправления. Кто будет учителем какого предмета, кто завучем или директором — это для будущих выпускников наступившего две тысячи двадцатого года было действительно увлекательным рандомом.

— Доброе утро, Анна Кирилловна, — поздоровались в один голос старшеклассники, спускаясь по лестнице.

— А я уж думала, вы не придете, — прокричала им учительница. — Осторожнее там, держитесь за перила, — предупредила она.

Серый лед облюбовал каждый сантиметр ступеней, спрятавшись под белым полотном. Притаился, маскируя свою прозрачную опасность под хрустящим чистым снегом. Ученики все равно не ступали осторожно, словно надеялись на удачу или русское авось. А фонарь предательски мигал, хоть и в отсутствие ветра, не давая разглядеть путь. Идти приходилось на ощупь, хватаясь за остатки железных перил, которые еще не успели спилить и сдать на металлолом местные бомжи или хулиганы. А может — просто любители брать все, что, как говорится, не прибито.

— Опять всю ночь «сидели» в телефонах? — улыбаясь, спросила учительница.

— Нет, конечно, нет, — отшучивались хором подростки.

— Да ладно, тут ничего постыдного нет, я тоже полночи смотрела сериал, пока ветром не оборвало интернет.

Анна Кирилловна — учительница истории двадцати семи лет, классный руководитель выпускного класса, всего на десять лет старше своих подопечных. Приехавшая во Владивосток из Южно-Сахалинска по программе для молодых педагогов. Улыбчивая, жизнерадостная, целеустремленная, отзывчивая, словом — любящая то, что делает. С большими, как у олененка, карими глазами, каштановыми длинными волосами, тонкими запястьями.

— А какой сериал, Анна Кирилловна? — спросили ребята, спустившись на остановку.

— «Кровавая барыня».

— Про Салтычиху, что ли? — удивился ученик.

— Да, про нее. А ты что, смотрел, Паша? Это очень кровавая картина. Не рано ли? — недоумевала учительница.

— Смотрел. Я жил у бабушки на даче летом. Пока мы с ней перебирали урожай, делали консервы, засолки, на фоне по кабельному шло все подряд. А бабуля слышит плохо, так что...

— И что ты об этом думаешь? — спросила Анна Кирилловна.

— Жестоко — это все. А вы?

— Я как историк в это не верю.

— Не верите?

— Да, не верю.

— И почему же? — испытующе спросил Павел.

— Существует версия, что Дарью Салтыкову просто хотели лишить ее, если коротко говорить, положения и состояния, а потому придумали такую легенду.

— Но а как же убитые слуги?

— Люди всегда умирают. Но не всегда насильственно. К тому же никакому хозяину нет резона так обращаться с теми, от кого зависит его жизнь.

— Хозяину — это хорошее уточнение, — задумался Паша.

Ни ветра, ни разговоров, а потому было слышно, как неподалеку роется в мусорном баке то ли птица, то ли кошка, шурша чем-то пластиковым. Автобусная остановка находилась прямо на берегу моря, а дорога пролегла вдоль него — таково устройство путей на островах Владивостока. Серую гальку и песок присыпало за ночь почти метровым слоем снега, который с утра никто не чистил. И только

осторожные шаги троих учеников и учительницы потревожили единое белое пространство. И снова пошел снег — белый, крупный, хлопьями, как кусочки ваты, которой раньше расшивали новогодние костюмы.

— Когда там уже автобус? — спросил Ваня, растирая озябшие пальцы.

— Ты бы хоть перчатки надел, — сказала учительница.

— А я считаю, вы просто боитесь признать, что зло существует. Что оно в каждом из нас. Вы верите в справедливость и справедливый мир. А это иллюзия, — сказала Настя своей классной руководительнице.

— Ты о Салтычихе? — спросила та.

— Да!

— Хорошо.

— Что хорошо? Что же здесь хорошего, Анна Кирилловна?

— Хорошо то, что, хотя я и веду ваш класс всего второй год, но я рада, что смогла научить вас главному.

— Что вы имеете в виду? — удивилась девушка.

— Я научила вас, что формировать свое мнение — очень важно. И вы имеете право быть несогласными с учителями. Что вам самостоятельно предстоит найти свою правду в жизни и свой путь. Так как вам жить дальше самим, без авторитетных взрослых. Именно вам придется стать взрослыми.

— То есть вы не будете меня переубеждать, ругать? — удивилась Настя, явно настроенная на дебаты.

— Нет, я принимаю твою точку зрения. Ты как личность имеешь на нее право.

— Где же автобус? — снова спросил Ваня обеспокоенно.

— Не дай бог не придет, — ответила Настя.

— Это хороший вопрос, — сказала Анна Кирилловна, посмотрев на наручные часы, стрелки которых светились фосфором. — Сейчас семь двадцать. Вы на остановке уже минут десять где-то стоите. А значит, я — минут двадцать. Все сроки вышли.

— Точно вышли, — сказал Ваня, прыгая то на одной ноге, то на другой.

Мокрый, такой привычный для Владивостока из-за высокой влажности воздуха, холод обжигал лицо. Поднялись в воздух крупинцы снега из-за внезапно начавшегося ветра, что, впрочем, для этих мест тоже обыденность. Но хоть и считается, что человек привыкает ко всему, многие жители города и островов совсем не морозостойкие.

— Кажется, у нас проблемы, — сказал до этого так долго отмалчивающийся Паша.

— Тебе не кажется, придется идти пешком, — сказала Анастасия холодно.

— Ребята, не паникуйте, может, автобус просто задерживается, — попыталась успокоить всех учительница.

— Вы опять отрицаете очевидное, Анна Кирилловна, не так ли? — злилась Настя.

На экране айфона ученицы светилося: ноль семь двадцать три.

Неприглядная, полуразрушенная каменная остановка, разрисованная надписями граффити, не спасала от причудливого характера местной природы. Занесенная почти полностью снегом — внутри и снаружи, — она походила на развалины под снос.

— Может, тогда по домам? — осторожно предложил Иван.

— Ни мне, ни вам нельзя сегодня по домам, вы же знаете, — отвечала учительница. — Что ж, тогда мы поступим так: пойдем пешком вдоль дороги. Скоро поедет следующий рейс, а уж водитель, увидев нас, конечно же, подберет.

— Будем надеяться, что на этот раз вы правы, — недовольно сказала Настя.

— А что ты без перчаток, Ваня? — спросила Анна Кирилловна обеспокоенно.

— Я их забыл, — грустно ответил Иван.

— Господи, как же ты теперь на улице будешь...

— Я вот. — Он показательно сунул руки в карманы.

И все четверо двинулись в путь. Трескуче проваливался под ногами девственно белый снег. Казалось, сегодня по дороге никто и не проезжал — борозды от колес машин было и не найти. Новогоднее настроение, занесенное вихрем новых уроков и дел, уже успело позабыться. Холод стал просто холодом, клонящим в сон, а не частью зимней сказки. Анна Кирилловна шла впереди, придерживая под руку неловкого Ваню, который, словно рождественский солдатик на шарнирах, норовил сложиться в коленях.

— А это хорошо, что бабушка есть, — неожиданно начал он.

— Что? — спросил Павел.

— Бабушка... — не успел договорить Иван.

— Вань, знаешь, как говорится в одной притче? Закрой рот, береги тепло, — злилась Анастасия.

— Анастасия Шевченко, это очень грубо, — сделала замечание учительница.

— Вы же сказали, Анна Кирилловна, что мы должны учиться принимать самостоятельные решения.

— И ты принимаешь решение о своем грубом поведении? Тогда ты должна научиться принимать и последствия своего поведения.

Ваня лишь тактично промолчал и продолжил:

— Моя бабушка умерла на мой день рождения. Я просто к тому, что... Вот Паша рассказывал, как они с бабушкой делали закатки, а я вспомнил свою бабушку.

Все умолкли.

— Месяц назад. Но она долго мучилась, почти целый год. Только даже не знала о том, что болеет, что с ней теперь что-то не так. Бабушка провалилась в забытие, как в сон наяву. Ее глаза были открыты и смотрели сами в себя...

— Ваня, прекрати, пожалуйста, — оборвала его Настя.

— А почему? Почему мне нельзя рассказать? — не выдержал одноклассник.

— Потому что это все жутко. У нас тут что — байки у костра в лагере?

— А что? Истории помогают отвлечься, — вклинился Паша. — Мы буквально идем, считай, в лесу у моря, тьма вокруг, вот что жутко, Настя.

Настя промолчала, что случалось с ней редко.

— Я заходил к ней в комнату каждый день, когда мама настояла, чтобы мы перевезли бабушку в нашу квартиру. Заходил и начинал разговаривать, показывать свой дневник с оценками, решенные КИМы* для ЕГЭ, рассказывал о том, как прошел день. И с каждым разом я все больше чувствовал, как она отдаляется от меня, от нас всех. Уходит час

* Контрольные измерительные материалы.

от часу. Мы обтирали ее с мамой, когда от нее начинало пахнуть, а папа мой делал вид, что он не замечает всего этого. Хотя именно он был сыном бабушки, это его мать, но... Но он всячески избегал ее. Приходил с работы и то подолгу пропадал в ванной, то курил на балконе, то пил на кухне чай около часу, а затем внезапно убегал в магазин под каким-то выдуманым предлогом. И так практически каждый день. В выходные дни пораньше отпраивлся непонятно куда из дома и пропадал до самой ночи, не реагируя на то, как моя мама обрывает телефон. И так, пока бабушка не умерла девятого декабря, прямо в день моего рождения. Рано утром я зашел почитать бабушке книгу, как я это часто делал, в этот раз выбрал с полки сборник Блока, так как слышал от папы когда-то давно, что в молодости бабушка увлекалась поэтами Серебряного века. Она обычно не отвечала ничего, смотря в одну точку и громко вздыхая, но я все равно продолжал читать. А в то утро я подошел к ее кровати, но не услышал дыхания. Я приложил свое ухо к ее сердцу, но тоже ничего не услышал. И тогда...

— Ваня! — закричала Анастасия. — Я прошу тебя, прекрати!

— Настя, это очень низко, — не выдержал Паша. — Угомонись уже, наконец! У всех есть родные, все имеют право рассказать! — кричал он.

— Словом, сегодня сорок дней со смерти бабушки, — подытожил Иван.

— Мы тебе все соболезнуем, — сказала Анна Кирилловна.

— Да, соболезную, — подхватил Павел.

Анастасия не сказала ни слова.